

Дурная дрёма

Аурел Виеру

Когда посреди ночи сон, потревоженный чьим-то неосторожным, неясным прикосновением, торопливо убегает чередой наискосок, не оставив даже прощальной записки - почему-то почти все и всегда реагируют одинаково. Недовольно ворчат, переворачиваются на другой бок, отвешивают ни в чем не повинной подушке увесистую тычку кулаком - и всеми правдами и неправдами, изо всех сил пытаются *заснуть назад*.

И совсем не помышляют о том, что вместо этого можно *проснуться вперед*.

Аурел в последнее время все чаще именно так и делает по ночам - *просыпается вперед*. Юношескому сну даже не требуется неосторожных прикосновений - он ускользает и тает в ночи сам по себе. Да, после отбоя запрещено бродить по территории монастыря - румын и не бродит. Ему это ни к чему. Бродят и шатаются только не имеющие своего угла *появляшки* - Аурел же, возможно, несколько самонадеянно, полагает себя *жильцом*. Ему достаточно спрятаться.

Но когда солнце скрывается за горизонтом - расцвеченная иссиня-черными красками ночи реальность изменяется, вставая с ног на голову. В ней даже правила пряток меняются до неузнаваемости - порой дело становится совсем не в видимости.

Специально для таких бессонниц юноша озаботился раздобыть свечку - и не объяснить толком, зачем, но она очень нужна. Не такой свет, чтобы его могли видеть все вокруг - он выставляет напоказ, притягивая чужие взгляды. Нет, нужен лишь маленький огонек для самого себя - просто чтобы знать, что в этой ночи есть свет. Как и всегда - ожидая конца ночи, Аурел сидит за пределами своей комнаты, на террасе, бережно прикрывая огонек зажженной свечи ладонью, чтобы не приманивать на него всех тех, кому точно так же не спится ночью. Пронизываемая пламенем насквозь, ладонь юноши ровно светится ало-розовым светом - и кажется непривычно тонкой и ломкой. И полностью закрыть пламя она не в состоянии.

Но это все пустяки. Главное - дотерпеть до рассвета.

Ведь дело - не в видимости.

Яшими Элен Файр

За все время своего проживания в Линь Ян Шо британка так и не привыкла, что спит в комнате не одна. Присутствие другого человека нервирует ее где-то глубоко на подсознательном уровне. Она спит чутко, очень чутко, так, что слышит как соседка ворочается на своей половине комнаты, как храпит кто-то за стенкой и сама практически просыпается, когда ночью меняет позу, вытаскивая из-под живота затекшую руку или меняя належащий бок на другой. И даже сама она ворочается медленно, затаив дыхание и боясь разбудить и помешать чужому сну. И нет этому ни конца ни края. Иногда начинает казаться, что стоит приложить много-много сил и стать мастером хотя бы для того, чтобы иметь отдельную комнату и засыпать в тишине. Наивные мечты-мысли, приходящие сквозь сон и забывающиеся наутро. А тут еще – вот не было печали – кто-то повадился бродить по ночам. Слышно, как в коридоре скрипят половицы и даже прерывистое, хрипловатое дыхание. *Хотя это скорее всего вольно добавляет дремлющий разум, рисуя для себя картинку из какой-*

нибудь детской страшилки.

Яшими лежит на спине, бессмысленно таращась в потолок, который в темноте она и не видит. По ощущениям вокруг – раскаленная печь, в которой так тяжело дышать и ей мерещится даже запах оплавленного воска или еще чего-то такого. Она ворочается, силясь вернуть ускользнувший сон, но от этих бессмысленных попыток только в висках поселяется боль, похожая на занудное зудение комара. Девушка взмахивает руками, будто пытается прогнать насекомое существующее лишь в ее воображении. *Время идет, идут минуты, часы, годы?* Она смиряется с поражением и поднимается на ноги. Тихо-тихо, чтобы не шуметь, выбирается в коридор, надеясь, что там будет прохладнее и... спокойнее? В коридоре действительно не так жарко и по босым ногам гуляет сквознячок. Только в темноте он кажется бесконечным, узким и длинным, как извивающийся червяк, голова словно начинает болеть сильнее в ответ на эти мысли, и девушка спешит на улицу, вдохнуть свежего ночного воздуха, успокоить головную боль и как следует замерзнуть, чтобы радостно вернуться в тепло и заснуть спокойно до самого утра.

А терраса уже занята еще одним полуночником. Яшими не сразу видит его, она увлечена собственными мыслями, усиливающейся головной болью. Ночной ветерок несет прохладу, немного успокаивает и освежает, возвращая способность воспринимать не только то, что происходит внутри, но и то, что находится снаружи. Британка замечает тщательно прикрываемый огонек свечи. И от этого теплого, неяркого света становится как-то неожиданно спокойно. *Ночь странное время, она размывает границы, стирает ощущения реальности, правильного и неправильного, допустимого и возмутительного. И можно не думать, не объяснять, а просто усесться на перила террасы и смотреть на тающий огонек свечи, смотреть и думать о чем-нибудь совершенно постороннем.* Например о том, почему к этому огоньку не летят ночные бабочки-мотыльки. Или их тут просто нет? Об этом она никогда не задумывалась, а тут вдруг. Но нарушать тишину и спрашивать пока совершенно не хочется.

Аурел Виеру

Говорят, встретить своего двойника - это плохая примета. Ужасная просто, едва ли не фатальная, чуть ли не до гробовой доски доводящая.

Если ночью все кошки серы - почему бы всем людям не быть двойниками друг друга?

Впрочем, сейчас это все же должно зависеть от того, с какими целями девушка вышла на террасу. Если просто прогуляться, подышать свежим воздухом или же на тайную встречу с кем-то - тогда смысла натягивать собственные нервы, сплетая из них замысловатое макраме, нет никакого. Аурел бы вообще взял на себя смелость предположить, что подобных ему людей, прячущихся неизвестно от кого столь нелепым способом, оставаясь на виду и карауля со свечкой первые ломкие и анемичные солнечные лучи, в монастыре больше нет. Что вероятность встретить человека, с подобными задумками - ничтожно мала.

Но "ничтожно мала" - это все-таки не ноль.

Можно выдвигать теорию, что Аурел от множества обрушившихся на него событий, при отливке которых, очевидно, форма треснула по всем швам и больше для литья не употреблялась, просто тронулся умом, такая гипотеза вполне имеет право на

жизнь - румын в ответ возразит, что в нашем мире каждый нормальный человек более чем обязан время от времени сходиться с ума, хотя бы ненадолго. Такой подход позволяет дольше проносить свой рассудок, не стрепав его в непотребные клочья чересчур рано.

На девушку Аурел смотрит с легким подозрением, все так же пытаюсь максимально прикрывать огонек свечи ладонью от посторонних глаз - но график подозрения предельно прижат к оси и не пытается стремиться к паранойе, поэтому никаких вопросов румын не задает. Мирное молчание его вполне устраивает.

Хотя, когда люди молчат вместе - частенько кажется, что они дружно молчат о какой-то страшной тайне, которой в действительности может и не существовать вовсе. Создать иллюзию очень легко, она может возникнуть практически из ниоткуда, как вызванное взмахом крыла бабочки цунами. А вот разрушать ее - это порой достойный голливудского блокбастера или психологического триллера сюжет целой саги...

Яшими Элен Файр

Молчание не давит. Яшими вообще не из тех людей, которые, как любят писать в романах, «мучаются от гнетущей тишины» и стремятся прогнать ее бессмысленным трепом. Она может быть вообще сбежала на террасу именно в поисках тишины. Только вот тишина эта тут все равно какая-то неправильная, неправильная настолько, что в голове упорно крутятся строчки русской песни, которые она кажется слышала от одного из учеников (благо русскоговорящие составляли в монастыре весьма значительную часть). Звуки, словно какое-то тонкое заклинание ввинчиваются в уши, стучат в голове дробным молоточком: *Самый громкий крик - тишина, самый яркий свет – ночь*. Абсурдная по сути своей фраза сейчас отчего-то кажется реальной и наполненной особым смыслом. То ли это какая-то необычная ночь, то ли сон все ее не отпустил девушку. А может быть она невольно «ловит» настроение находящегося рядом человека? Не понять, не разобрать. Да и не больно то хочется если честно.

А что хочется? Бессмысленно смотреть в темноту перед собой, гадая как же она может быть ярче полуденного света? Искать смысл в бессмысленном и ощущать, как тебя затягивает в пучину неизвестности темнота, становящаяся все более четкой, объемной и немного пугающей. Будто в неровных отблесках свечи, в причудливых тенях, порождаемых ее светом вдруг начинают вырисовываться некие пока неясные и неоформленные силуэты. *Кто стучится в дом ко мне?* Еще одна совершенно бессмысленная фраза. *Какой дом? Куда стучаться? Ведь дома-то и нет. Нет... нет..., - странное эхо в голове. Нет. Ничего нет. Тишина и пустота.* Голова клониться ниже, кажется Яшими погруженная в свои мысли начинает засыпать. Или наоборот просыпаться, отыскивая ответы на не заданные вопросы в причудливом танце теней на дощатых ступеньках террасы. *Вот интересно – если свет не зажигать, то никаких теней бы и не было. Почему человек боится темноты? Ведь там ничего нет. Ничего нет, пока он не придет туда и не принесет с собой крупицу света. Потому что все тени, все страхи – они тут, в голове. В его собственной голове.*

Такие мысли не приходят в период бодрствования, они врываются в мозг, когда он пребывает в этом странном состоянии полудремы, застывшим на самом краю сознания. Говорит ли с человеком в этот момент его внутренне я? Говорит ли с ним

кто-то неведомый, бесконечно мудрый, далекий и пугающий? Или он просто заполняет бессмысленными словами тишину, поселившуюся в его разуме? *Самый громкий крик тишина. Да. Потому что больше всего на свете человек боится тишины. И заполняет ее чем угодно, даже бессмысленным бормотанием своего разума. Тишина – это крик ужаса, ужаса перед пустотой.*

Аурел Виеру

Если в темноте долго-долго смотреть на свечу, а потом резко отвести взгляд - то можно на несколько секунд увидеть в ночи несуществующий свет. Неверный, обманчивый свет далекого призрачного маяка... Аурел и в монастыре-то оказался, ведомый как раз этим манящим, мистическим светом. И шел на него до сих пор - все не в силах приблизиться хотя бы на шаг.

И правильно. Миражи никогда не позволяют себя догнать.

Свет далеких маяков - что ты сделал?...

И даже не о глупом сердце идет речь* - еще и о не менее глупой, наивной душе, вместо глупых крыльев обретшей кинжал для ритуального самопожертвования.

И кинжал оставался пылиться на полке ненужной декоративной вещицей - признаться самому себе и окружающим, что он настолько слаб, чтобы вскрыть собственную душу и попытаться с корнем вырвать оттуда ядовитое влечение, Аурел просто не мог.

А медитировать глубокой ночью на свечку - это не слабость. Это, понимаете ли, загадочность.

Подозрения, и без того смутные и нечеткие, выцветают с лица Аурела крайне быстро - корчатся и сгорают на огне той самой свечки, съеживаются и теряют последнюю легкость, словно случайно угодивший прямиком в пламя мотылек. Губы сами собой изгибаются в неоправданно хитрой, заговорщицкой улыбке - и, коротко кивнув сидящей на террасе молчаливой девушке, Аурел зачем-то салютует ей свечкой. Как будто принимает в свой негласный, недавно только созданный клуб немых и странных полуночников.

Искусство не бояться своего двойника - одно из самых самоубийственных умений на планете.

Не исключено, что наутро румын будет показываться в столовой и прочих общественных местах с покрытыми болезненными ожогами руками. По мере того, как укорачивается, прогорая, свеча, по ней аккуратными овальными каплями стекает расплавленный воск, застывая на ладонях юноши немymi слезами. Фонарик удобнее, современнее, прогрессивнее, с этим не поспоришь - но в свечах заключена удивительная старомодная романтика, теряющаяся при свете неоновых ламп.

Видимо, Аурел был неисправимым, безнадежным и бессмысленным романтиком. Но ведь за этот проступок еще нигде не додумались ввести смертную казнь? Стало быть, нет никакой необходимости проводить злостную модификацию самого себя, нисходя до бесчувственного андроида. Ведь романтики, в сущности, не такие уж плохие и никчемные люди...

*Отсылка к стихотворению Л. Бочаровой

Яшими Элен Файр

Почему люди не любят ночь? Что так пугает в темноте и неясных шорахах? Почему

день – это ясность и истина, а ночь – обман и иллюзия? Нас не пугает то, что мы можем увидеть, пощупать руками и попробовать на вкус. Человека пугает неопределенность. Сколько существует человек – он боится неизвестности. Он строит планы, раскладывает карты, придумывает методы анализа, чтобы получить как можно более точный прогноз на будущее. Но разве это не есть величайшее заблуждение и иллюзия? *В будущем нет определенности. Это есть истина.* И если смотреть с этой стороны, разве не является ночь временем истины? Временем, когда даже небо не прячется за определенной и спасительной голубизной, являя себя во всей своей красоте и пугающей неопределенности черноты. И пугает, пугает до дрожи в коленках. Этот страх – в крови, а вместе с ним и иллюзия спасения – иллюзия ясности в ночной темноте – огонек свечи. Такой же важный как огонь, у которого когда-то наш далекий предок обрел первую иллюзию защищенности и ясности.

Яшими смотрит на тающий огонек свечи. Маленький островок, хрупкая защита от чего-то темного и пугающего. От неопределенности. И от теней, которые – вот уж забавный парадокс! - суть есть порождение этого огонька. Эта мысль кажется ей достойной улыбки, и так уж совпадает, что в этот момент Аурел поворачивается к ней и салютует свечей, то ли разделяя пришедшую на огонек мысль, то ли делясь чем-то своим. Девушка по-кошачьи щурится на свет и смотрит поверх него на линию горизонта, пытаясь понять, сколько времени уже прошло и сколько еще пройдет. Ее преследует странное ощущение того, что время идет назад. *Что сколько бы его не проходило – эта ночь не закончится.* Может быть она закончится тогда, когда на огонек свечи наконец прилетит верная мысль и ночь решит открыть им одну из своих тайн? Сбросить одну из масок неопределенности в награду за терпеливое ожидание?

Мысли идут своим чередом, цепляются за окружающие мелочи, подмечая в них нечто ранее не видимое и совершенно невероятное. Кажется, что разум отделился от тела и следует своим собственным путем, оставив глупую и ненужную оболочку где-то позади себя. И в какой-то миг Яшими кажется, что она будто видит себя со стороны, сидящую на узких и неудобных перилах террасы, и с каким-то извращенным удовольствием наблюдающую за тем, как ночной холод постепенно проникает в кости, а конечности немеют от неудобства позы. И все это будто бы не с ней, а с кем-то другим, только похожим и совершенно неважным. Весь мир словно стал на несколько секунд бесконечно далек или просто сузился до огонька свечи. *Не догори, моя свеча....Мне нужно знать, кого терять...* * Безмолвный призыв в никуда и никому.

*Перефраз песни "Моя свеча" группа "Кукрыниксы"

Аурел Виеру

Это хорошо, что на террасу вышла еще и девушка и румыну не приходится оставаться с ночью один на один. Ночь не такая яркая и четкая, как день, не такая освещенно-понятная - в ней слишком много всего для одного человека. Без чужой помощи ненавязчивые, темные и бесконечные оттенки этого времени суток не вынести на своих плечах в одиночку.

В ночи умиротворенное спокойствие соседствует с нервной тревогой. И страх

прячется там, где, казалось бы, в мягкой тишине бояться совсем нечего.

Впрочем, сознание Аурела в эти минуты страшат не монстры из американских или восточных фильмов ужасов. Не вязкая и холодная ночная тьма - нет, здесь, в горах, она обманчиво теплая и мягкая, похожая на пушистый согревающий плед. Румына беспокоит, казалось бы, сущая мелочь, ерунда ерундовая, глупее ничего и не выдумать. Расскажи кому об этом ночном страхе, об этой невесте откуда взявшейся тревоге, вдруг заставившей затрепетать хрупкую голубую жилку на виске - не поверят. Засмеют.

И все-таки...

- Скажи, ты совсем не боишься... ночных мотыльков? - окликает Аурел свою сегодняшнюю подругу по неуемной бессоннице. Окликает тихо, словно боясь неосторожно прозвучавшим словом вдребезги разбить тонкую, такую бесконечно уязвимую бархатную ночную тишину. Окликает мягко, не настаивая на непременно ответе - в конце концов, это ведь полное право девушки.

Не отвечать на чужие порожденные темнотой и прохладой глупости.

Яшими Элен Файр

Тишина затягивает. Тишина забивается в уши, проникает в сознание и наполняет его звенящей пустотой, а потом тишина уходит (или это просто открывается иная ее грань?) и где-то в глубине этой пустоты ты слышишь голоса. Невнятный шепот на давно забытых или еще не придуманных языках. Ты вслушиваешься в него, пытаешься разобрать слова и уловить смысл, и проваливаешься еще глубже туда, где стираются все грани, где из-за угла на тебя смотрят глубокие как омуты глаза твоего безумия.

Яшими вздрагивает, голос Аурела будто вырывает ее из сна и возвращает к реальности. *Она спала? С открытыми глазами, бездумно уставившись на огонек свечи?* Все тело будто залили ледяной водой, конечности кажутся жутко тяжелыми и чужими, и не хочется двигаться, тревожить это состояние. Вероятно где-то внутри живет знание того, что за движением придет боль. Боль и жар от быстрее побежавшей по жилам крови. Придет чувство реальности и дня. И этого почему-то совсем не хочется.

Вопрос-вопрос. Он пробивается к сознанию долго, трудно, будто проходит по всем веткам-капиллярам, задерживается на каждом повороте сознания и наконец достигает цели. Понимание. *Сколько времени прошло, пока это наконец произошло? И сколько прошло еще, пока она разомкнула сухие непослушные губы, чтобы ответить?*

- Только если их не очень много не боюсь, - голос какой-то надтреснутый и совершенно чужой. А перед глазами шевелящаяся масса мохнатых тел с трепещущими крыльями. Она забиваются в уши, нос, рот... словно сама темнота стремиться заполнить тебя изнутри, вытеснить все и сделать своей частью. *Хорошо, что на огонек их свечи не летят мотыльки.*

- Если не много – все сгорят. Зачем лететь, если конец известен? – вопрос не то к Аурелу, не то к окружающей темноте. Слова – продолжение мысли, неизвестно как и откуда пробравшейся в голову.

- Вокруг свечей порхают мотыльки, беспечно в пламя окуная крылья. Их пламя превращает в угольки. Они похожи на людей? – еще один вопрос в пустоту, в пламя свечи, которое так притягивает взгляд, что становится в эту ночь центром маленькой

вселенной. У каждого – своей.

Аурел Виеру

Ответа от девушки Аурел ждет терпеливо, не торопя, не понукая и не повторяя своего вопроса. Румын уверен, что Яшими и с первого раза великолепно его расслышала, а значит, нет никакой нужды бестолково и суетливо мельтешить рядом с ней. Нужно просто ждать, пока не дождешься, вот и все. И не беда, что молчание кажется пугающе бесконечным - в вязкой темноте вообще все происходит намного медленнее.

- Это хорошо, если для тебя дело только в количестве мотыльков. Значит, ты смелая, - тихо говорит Аурел. Словно бы подразумевая этим высказыванием, что сам он подобной смелостью не обладает. Конечно, шуршащие по лицу тонкие сухие крылья - это ощущение не из самых приятных... но страх заключен вовсе не в нем. Юноша фиксирует пустой, невидящий взгляд на свече в своих руках - и глухо, чуть слышно произносит: - Говорят, что они не на свет летят. Мотыльки. Они пытаются оказаться там, где темнее всего... и им кажется, что самая непроглядная тьма - сразу за светом, - заканчивает Аурел. И нервным движением гасит свечу, смыкая пальцы на фитиле и едва замечая боль от ожога.

Это страшно, даже жутко - быть для кого-то источником чернильно-черной, вязкой и холодной, непроглядно темной пустоты. Даже если ты в этом положении совершенно случайно и всего на несколько минут. Даже если ты становишься такой тьмой всего лишь в сравнении с ярким и согревающим светом.

И даже если тот, кого ты невольно заманиваешь в эту тьму, сам ее ищет. Это все равно, поверьте.

Яшими Элен Файр

Смелой себя Яшими совсем не считает. Но она не возражает, терпеливо ждет, пока Аурел закончит свою мысль, от которой становится как-то совсем холодно и неуютно. Но что-то в ней есть, что-то пугающе верное. *Если самый яркий свет – ночь, то почему свет не может быть сосредоточием темноты?*

- К нам они не летят, - девушка как-то с трудом и неуверенно вспоминает, что не так уж давно ей казалось странным отсутствие мотыльков на террасе.

- Значит темноты тут нет? – это может казаться попыткой ободрения, но на деле в этой фразе скрыт совсем иной вопрос – *если здесь нет даже темноты, то тогда что есть? И есть ли вообще они, или этот огонек свечи ей только привиделся на самой грани между явью и сновидением?* Словно в подтверждение ее мыслей свеча гаснет. *Так сон или явь?*

После исчезновения источника света британка на некоторое время чувствует себя ослепленной. Ей кажется, что пропала не только свеча, пропал Аурел, вообще весь мир исчез куда-то, осталась только она одна – пугающе маленькая песчинка в огромной вселенной пустоты. Постепенно глаза ее привыкают к темноте, сквозь нее снова проступают очертания корпуса, перила террасы и неясная фигура румына. Разве что теперь нет теней, а звезды кажутся значительно ярче и ближе. Девушка медленно, испытывая подспудную неуверенность в успешности своего действия, одним глазом поднимает голову вверх, чтобы получше разглядеть небо, найти там очертания знакомых созвездий. Но к своему неудовольствию обнаруживает, что крыша значительно затеняет обзор, а движение оттается во всем теле целой волной

болезненных уколов. Слишком много неподвижности. Слишком много мыслей.

- Когда исчезает свет, куда деваются тени? Уносим ли мы их с собой или они остаются ждать нас? – если Аурел боится мотыльков, то Яшими вдруг ощущает страх совсем иной природы. *Если нет света, то нет и теней. А если они есть, но их просто не видно? Чьи тут могут оказаться тени?*
